

Скабичевский А. М. Из "Литературных воспоминаний" // И. А. Гончаров в воспоминаниях современников / Отв. ред. Н. К. Пиксанов. -- Л.: Художеств. лит. Ленингр. отд-ние, 1969. -- С. 70--72. -- (Серия литературных мемуаров).

<http://feb-web.ru/feb/gonchar/critics/gvs/gvs-070-.htm>

А. М. Скабичевский

ИЗ "ЛИТЕРАТУРНЫХ ВОСПОМИНАНИЙ"

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О ПЕРЕЖИТОМ

Литературный салон Майковых в сороковые и пятидесятые годы был средоточием именно литераторов, группировавшихся вокруг "Отечественных записок". Наибольший тон в этом салоне давал Гончаров, этот истый бюрократ и в своей жизни и в своих романах с их бюрократическими идеалами, Адуевым и Штольцем. В качестве учителя поэта Аполлона Майкова он, конечно, озаботился привить достаточное количество бюрократического яда в голову своего ученика.

Нужно, впрочем, заметить, что вся семья Майковых была от природы расположена к принятию этого яда. Я не знаю, что представлял собою Вал. Майков, умерший до моего знакомства с его семьею. Что же касается всех прочих членов семьи, то они всегда поражали меня строгою уравновешенностью их натур, крайнею умеренностью и аккуратностью во всех суждениях и поступках, наружным благодушием и мягкосердечием, под которыми втайне гнездились эгоистические себе на уме, а порою и достаточная доза душевной черствости. Но все это скрашивалось таким светским тактом в обращении как с выше, так и с ниже поставленными людьми, что находиться в их обществе было очень легко и приятно. Невольно казалось нам, юнцам, что трудно и представить себе людей более передовых, гуманных и идеальных. Это и был тот самый "гармонизм" всех элементов человеческой природы, на который в кружке нашем смотрели как на квинтэссенцию той истинной просвещенной нравственности, которая заменила для нас отвергнутую нами обветшалую прописную мораль.

Ко всему этому надо прибавить, что все Майковы поголовно были эпикурейцы, тонкие ценители всего изящного и гастрономы, умеющие вкусно и в меру поесть и выпить. Наконец, все Майковы подряд были созерцатели, с примесью некоторой доли сентиментальности. О Майкове-отце нечего и говорить уж: поставщик образов в Исаакиевский собор и другие церкви Петербурга¹, он вечно витал в мире небесных образов, и глаза его то и дело возносились горе. Старший сын его, Аполлон, в свою очередь, был преисполнен звуков чистых и молитв: любил уноситься своим поэтическим воображением в эпохи античной древности и средневекового рыцарства и спускался в мир окружавшей его действительности только для подражания любовным мотивам Гейне и для воспевания подвигов великих мира сего.

Средний сын, Владимир, тоже склонен был к созерцательности. Между прочим, административная служба по департаменту внешней торговли столь иссушила его, что жена его², обладавшая более живым и пылким темпераментом, не в состоянии была ужиться с ним и сбежала от него на Кавказ с одним нигилистом, которого впоследствии Гончаров покарал, изобразивши в своем романе "Обрыв" в образе Марка Волохова. В 1865 году, живя в Парголово, я встретил однажды этого господина у Владимира Майкова, жившего на даче в Мурино, и мы гарцевали с ним даже верхами на чухонских лошадях. Он, как раз в то время, ухаживал за госпожою Майковой и показался мне очень симпатичным молодым человеком, не имеющим ничего общего с карикатурным героем романа Гончарова.

Что касается младшего брата Майкова, Леонида, нашего сотоварища, то он выдался более в мать, чем в отца; братья его все были брюнеты, а он -- блондин, весь какой-то мягкотелый и уже в юности обещавший со временем потучнеть.

КОЕ-ЧТО ИЗ МОИХ ЛИЧНЫХ ВОСПОМИНАНИЙ